

М.К. Чуркин, С.А. Абселемов

ИСТОРИОГРАФИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ»: АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Представлен авторский опыт характеристики социокультурного контекста формирования исследовательских практик изучения истории аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан. Выявлены основные направления в оценке процессов инкорпорации степных областей в состав империи в исторической науке Казахстана. Раскрыты социально-политические и культурные условия, в которых государственная идеология являлась важным агентом влияния на понимание историками роли, значения и результатов российской колонизации в регионе.

Ключевые слова: историография; дискурс; «национальная травма»; аграрная колонизация; Степной край.

Тема аграрной колонизации восточных окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., в частности Степного края, включавшего в свой состав пригодные в земледельческом отношении территории Акмолинской и Семипалатинской областей, является одним из дискуссионных сюжетов в современной исторической науке. Проблемы, связанные с аграрно-земледельческим освоением Степного края, историками Республики Казахстан активно рефлексированы в качестве неотъемлемого составляющего элемента имперской колониальной политики, критическое отношение к которой было сформулировано и озвучено еще в антиколониальных трудах представителей первого поколения казахской интеллигенции – Ч.Ч. Валиханова, А.Н. Букейханова и др.

Целью данной работы является реконструкция историко-контекстуальных условий становления современной казахстанской историографической традиции, а также выявление подходов к исследованию аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Важной интенцией становления современной историографии вопроса в Республике Казахстан стали распад СССР, «парад суверенитетов» и становление независимых национальных государств в границах постсоветского имперского пространства. Обретение Казахстаном независимости естественным образом стимулировало процессы роста этнического самосознания и формирования новой национальной идентичности, развивавшейся в обстоятельствах особого социокультурного фона: «травмы» колонизации, ставшей составляющей постколониального сознания.

Понятие «травма» было введено в научный оборот известным исследователем исторической памяти – Алейдой Ассман, утверждавшей, что по мере удаления от событий, людям свойственно более острое и глубокое их переживание и переосмысление. В результате возникает посттравматическая ситуация, в рамках которой причины травмы не могут быть поняты и удовлетворительно объяснены индивиду или группе [1].

Посттравматичность ситуации в историографическом контексте усугублялась противостоянием двух интеллектуальных посылов, являвшихся частью национального сознания казахской интеллигенции. Так, Бавна Дэви, автор первой в западной историографии работы по истории Казахстана, опираясь на

постколониальную теорию, утверждает, что колониальность играла важную и определяющую роль в современном национальном самосознании казахов, причем сама идея нации пришла к ним через колониальную систему и связана с ней [2. Р. 24].

А.В. Ремнёв утверждал, что «реакция пробужденной национальности может достигать крайних пределов отторжения как имперского, так и советского прошлого, хотя параллельно возникает эмоциональная реакция (не всегда противопологающая, а нередко дополняющая) на романтизацию прошлого, на пафосное национальное самолюбование и самообольщение» [3. С. 179]. Показательно в этом отношении высказывание казахстанского историка Н. Масанова, отмечавшего, что исторически казахи были только номадами: «...у нас не было ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто кочевое общество» [4].

В процессе реформирования и «перезагрузки» позиций в оценке колониального прошлого, исследователи аграрной колонизации степных окраин империи активно осваивали пространство колониального дискурса. Во многом такой подход был рельефным признаком рефлексии всего постсоветского научного сообщества. Идеологическая революция в обществе и науке инициировала в России и Казахстане «публицистический бум», ставший реакцией на историческую «травму». Предметом исследовательской активности историков оказались «болевые» точки прошлого. Если для новой генерации российских историков конца 1980-х – начала 1990-х гг. главным травматическим сюжетом являлась история советского периода, то в эпицентре научного внимания историков Республики Казахстан в первую очередь оказались вопросы имперской колониальной политики России.

Уже в начале 1990-х гг. в оценке российской колонизации и ее аграрного аспекта в исторической публицистике Республики Казахстан обозначилось отчетливое доминирование исключительно негативного восприятия колониального прошлого, что стремительно становилось частью нового национального мифа, попадало на страницы учебников и учебных пособий. Необходимо отметить, что «разоблачение» фактов колониального насилия вписывалось в существовавший формат исторической политики периода обретения независимости, что фиксировалось в про-

граммных декларациях национальных лидеров. В частности, 1 октября 1992 г. на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Н. Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. Но независимое Казахское государство не смогло отстоять мир и спокойствие. Слишком многие покушались на бескрайнее богатое пространство. И, в конце концов, дивный и благодатный край... очутился под пятой чужеземного насилия. В XVIII–XIX веках наш народ лишился свободы и независимости... Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций» [5].

Политические заявления казахстанских политиков транслировались и тиражировались в благоприятных для этого условиях медийного поля. Информационное пространство Республики Казахстан в этот период было разделено на два сегмента по языковому признаку. До принятия закона о 50%-м вещании на государственном языке, национал-патриотические издания имели абсолютное преимущество в деле тиражирования своих политических взглядов вне какой бы то ни было научной цензуры. Историкам-публицистам, по констатации А.В. Грозина, преобладавшим в редакциях национал-патриотических газет и журналов, очевидно, были свойственны слабое знание истории, своевольные интерпретации исторических источников, методологических принципов науки, профанация методов научного анализа, необоснованная переоценка отдельных данных, их произвольная абсолютизация и гиперболизация [6. С. 108–109]. В концентрированном виде продуктом публицистической трактовки прошлого Казахстана стала следующая формула: «История казахского народа с древнейших времен и до наших дней представляет собой важнейшую часть всемирной истории, поэтому изучение ее занимает важное место в формировании исторического сознания молодежи... Однако в период колониальной зависимости у народа были отняты не только свобода, земля, природное богатство, уникальные памятники культуры, но и историческая память...» [7. С. 3–4].

Таким образом, влияние правительственных деклараций, активно распространяемых в публицистике, определило содержание и риторику репрезентации национального исторического нарратива в период становления новейшей историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Прежде чем речь пойдет о проблематике и собственно работах, составивших контент национальной историографической традиции исследуемого вопроса, необходимо отметить те имманентные признаки, которые были и остаются присущи историографии Республики Казахстан.

Во-первых, новейшей историографией Казахстана фактически в неизменном виде был заимствован старый (советский) язык описания, используемый при оценке имперского прошлого. Показательно, что на стадии становления национального историографического дискурса идейная переориентация казахстанской историографии не сопровождалась процессом

терминологического обновления, что оказалось запечатлено в сохранении той риторики, которая активно осваивалась и внедрялась в контекстных границах теорий «относительного» и «абсолютного» зла, а также концепции о добровольном и прогрессивном характере присоединения Казахстана к России. Наиболее распространенными и часто используемыми понятиями в современной историографии Республики Казахстан по-прежнему являются такие понятийные конструкты, как «экспансионизм», «колониализм», «национально-освободительное движение», а также крайние их формы: «колониальное порабощение» [8. С. 3], «насилие колониальных чиновников» [9. С. 10], «идеологический прессинг» [10. С. 14] и т.д.

Во-вторых, общим местом в конструировании новейшего национального исторического нарратива стало использование алармистских приемов речи в изложении колониального прошлого Казахстана. Вот лишь некоторые показательные фрагменты: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса» [11. С. 213] и т.д.

В-третьих, формирование историографической традиции аграрной колонизации в научном сообществе Республики Казахстан проходило в условиях методологического кризиса гуманитарного знания и исторической науки. В данном отношении как российская, так и казахстанская историческая наука в 1990-е гг. пребывали в состоянии «нулевого цикла». Однако существовали и принципиальные различия. Российская историческая наука постсоветского времени постепенно вступала на путь «эпигонства», активно заимствуя и развивая применительно к отечественной истории методологические принципы и исследовательские практики, что открывало новые перспективы и горизонты видения различных аспектов колонизации окраин империи XIX–XX вв. Аккомодация в исследовательский контент концепции ориентализма, подходов «новой имперской истории», «новой интеллектуальной истории», «новой социальной истории», «рефлексивного крестьяноведения» позволяла российской историографии, пусть во многом и поверхностно, вписываться в общегуманитарную ситуацию антропологического и лингвистического поворотов.

Научно-историческое сообщество Республики Казахстан в условиях распада СССР по причинам политического характера было исключено из пределов той научно-исследовательской парадигмы, в которой оказались российские историки. Более того, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. набирал силу процесс «расщепления» единого интеллектуального пространства, составляемого ранее всеми представителями исторической науки союза. В результате исторические исследования в Казахстане, в том числе и в сфере аграрного освоения степных областей, принимали

ярко выраженный публицистический характер. При этом «травма» колонизации становилась преобладающим сюжетом на страницах диссертаций и научных монографий, увидевших свет в 1990-х – первом десятилетии 2000-х гг.

Автором новой концепции национальной истории Казахстана стал академик Национальной академии наук, профессор М.К. Козыбаев, а главной интеллектуальной «площадкой» ее создания – Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. В основе теории М.К. Козыбаева лежала идея о долгосрочном характере истории присоединения Казахстана к Российской империи, хронологически уходящей корнями во времена сибирской экспедиции Ермака, что инициировало проблему феномена и природы российской колонизации. В основе исследовательской практики – критика историографической традиции, сложившейся в советский период, и возвращение к концепции «абсолютного зла», сформулированной в конце XIX – начала XX в. [12].

Следует заметить, что во второй половине 1990-х гг. основные усилия казахстанских исследователей были направлены на изучение трудов и биографий представителей национальной интеллигенции конца XIX – первой трети XX в. как наиболее ярких и последовательных сторонников концепции «абсолютного зла». Так, например, в работах Э.Г. Сеитова обстоятельно исследуется роль А. Букейханова в экспедиционной деятельности Ф.А. Щербины [13], К.К. Канафин концентрирует внимание на изучении общественно-политической карьеры Р. Марсекова [14], И.К. Тернова и Р.К. Исетова обратили свои взоры на научные взгляды А. Байтурсынова [15]. Позиции казахской интеллигенции по аграрным вопросам была освещена в труде С.О. Смагуловой [16].

Позитивное значение вышеуказанных исследовательских штудий заключалось не только в восстановлении забытых имен и эпизодов национальной истории, но в возрождении и популяризации широкого круга вопросов аграрной истории Степного края, являвшихся актуальными для интеллектуальной элиты Казахстана второй половины XIX – начала XX в.: переселенческая политика и переселенческое движение, землевладение и землепользование коренного населения и мигрантов, взаимоотношения российского крестьянства и номадов, роль колониальной администрации в управлении «иногородцами» и т.д. С точки зрения содержания работ и их теоретико-методологической композиции, в рамках «официального» направления историографии Республики Казахстан складывалась ситуация, при которой критика «имперской» составляющей колонизации вытесняла научность в исследовании широкой гаммы социально-хозяйственных и культурных проблем национальной истории. Характерно, что данный алгоритм, сформировавшийся в исследовательских практиках 1990-х гг., продолжал активно тиражироваться и в начале XXI столетия. Приводим лишь некоторые, наиболее показательные фрагменты описания методологических ландшафтов диссертационных сочинений, защищенных в Республике Казахстан в первое десятилетие XXI в.: «...учитывая хронологические рамки исследования и отталкиваясь от

историографических традиций исторической школы, особо следует выделить материалистический подход и принцип историзма, которого придерживались как дореволюционные, так и советские авторы» [17]; «теоретико-методологическую основу исследования составила совокупность методов, применяемых в историческом исследовании. В их числе общенаучные методы: исторический, логический, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза и т.п. К специальным методам, использованным при работе над диссертацией, относятся методы сравнительного анализа, хронологический метод. Теоретическую основу исследования составили работы представителей российской и отечественной исторической мысли, внесших вклад в развитие изучения истории деятельности государственных учреждений, их структуры, механизмов функционирования, а также исследования, посвященные экономической истории Казахстана и России дореволюционного периода» [10. С. 19]. Основным итогом продвижения концепции М.К. Козыбаева в границах образовательного пространства стало формирование образа России-колонизатора, завоевателя и угнетателя покоренных народов. Так, казахстанский исследователь А. Кузембайулы пришел к выводу, сообразно с которым колонизация негативно отразилась на системе жизнеобеспечения кочевников и разрушила традиционную структуру казахского общества, затормозив развитие производительных сил края [18]. В учебном пособии А. Абдакимова вопросы присоединения степных областей Зауралья к России также рассматриваются в контексте насильственного захвата кочевий [19].

В рамках официального направления на рубеже 1990–2000-х гг. в Республике Казахстан защищается большое число диссертационных работ, в центре внимания которых – широкий круг проблем колонизации Степного края второй половины XIX – начала XX в., причем основным идеологическим посылом этих работ априори является тезис о насильственном включении степных территорий в российское имперское пространство, с акцентом на оккупационный характер действия имперской власти. В данном отношении в исследовательском локусе казахстанских историков периода становления национальной государственности оказались вопросы административно-управленческих практик империи в колонизируемом регионе. Исходные позиции, определившие подход к оценке моделей имперского управления в Степном крае, были озвучены в работе Э.Ж. Валиханова, в которой автор связал процесс деградации казахского общества второй половины XIX – начала XX в. с системой государственного управления регионом. По мнению Э.Ж. Валиханова, «в девятнадцатом веке – в начале двадцатого очень серьезно ставился вопрос о ликвидации всего казахского народа, так как, лишившись основных средств производства – земли и скота, народ неминуемо должен был погибнуть в результате этой политики» [20. С. 10–11]. Колониальные принципы государственного управления в деятельности российских имперских учреждений детально представлены и аргументированы в параметрах концепции «абсолютного зла» в работах Б.М. Абдрахмановой

[21], К.А. Жиренчина [22] и др., последовательно проследивших эволюцию управленческих практик в свете российского законодательства и административной политики империи. В целом для исследователей системы административного управления Степным краем в имперский период, включая вторую половину XIX – начала XX в., аксиоматичным является положение о «колониальности» Казахстана.

Вместе с тем актуализация «травматических» эпизодов национальной истории в контексте организации управления степными окраинами способствовала расширению тематического спектра проблем колонизации, поскольку в поле административной деятельности империи неизбежно вовлекались вопросы переселенческого движения и переселенческой политики, регулирования земельных отношений, коммуникации этносоциальных групп и локальных сообществ Степного края.

Одной из первых работ, открывших «пантеон» официального направления новейшей казахстанской историографии аграрной колонизации Степного края в аспекте переселенческого движения и переселенческой политики, стало исследование Р.М. Таштемхановой [23]. Приверженность концепции «абсолютного зла» автор обозначила уже в преамбуле своей работы, подчеркнув, что переселение крестьян в регион было подчинено общей стратегической цели империи – колонизации Казахстана [23. С. 3]. В результате исследования Р.М. Таштемханова пришла к вполне предсказуемым выводам: формирование переселенческих поселений сопровождалось экспроприацией казахских земель; царизм не вникал в земельные нужды коренного населения; переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и наносила огромный ущерб развитию всех сторон его жизни [23. С. 23].

Исследователи переселенческого движения и переселенческой политики конца 1990-х – начала 2000-х гг. окончательно легитимировали в историографической традиции принципы колониального экспансионизма как основной цели крестьянских переселений в Степной край. Так, в работе С.И. Ибраева переселенческая политика рассматривается в контексте демографической ситуации в Северном Казахстане в конце XIX – начале XX в. По мнению автора, влияние крестьянского переселения на образ жизни и традиции коренного населения оказалось резко негативным, поскольку сопровождалось массовым изъятием лучших казахских земель в переселенческий фонд [24].

В целом в интерпретации историографии Республики Казахстан 1990-х – начала 2000-х г. переселенческая политика российского правительства «держала ориентир на превращение кочевого хозяйства в крепостное, а казахов в крепостных крестьян», что предопределило упадок традиционных скотоводческих занятий [25. С. 70–71].

К одному из важных элементов историографической традиции аграрной колонизации Степного края, в ранней фазе становления национальной исторической школы Республики Казахстан, относятся исследования, посвященные практикам взаимодействия социальных групп в аграрно-колониальном про-

цессе. В данном отношении наиболее дискуссионный характер, в рамках официального направления, имеют труды, посвященные статусу и роли казачества в колониальном процессе. Для представителей официальной историографии сюжеты, связанные с участием казачества в освоении степных окраин, определения империей данной группы в качестве главного субъекта колонизации в середине XIX столетия, безусловно, вызывают «травматические» аллюзии. Не случайно красной нитью в работах разных поколений ученых 1990-х – начала 2000-х гг. проходит идея о тесной связи имперской колониальной политики и «охранительных» функций казачества в регионе. Алармические тенденции в оценках казачьего сегмента аграрной колонизации развивались в условиях неблагоприятного этнополитического фона систематического вытеснения славянского населения из мест постоянного проживания.

В работах М.Ж. Абдирова [26], А.С. Елагина [27], А.Ш. Мусырмановой [28] была освещена военно-политическая и административная роль казачества в подавлении национально-освободительных движений казахского народа. Нельзя не отметить, что обращение историков «официального» направления к проблеме выявления роли казачества в аграрной колонизации практически регулярно сопровождается выводами политического и идеологического характера. Известно, что сюжеты участия казачества в колониальном процессе осваиваются и в современной российской историографии. При этом в работах российских историков, анализирующих данный сегмент проблемы, сегодня все чаще говорится о негативных последствиях казачьей колонизации с точки зрения культуртрегерских возможностей субэтнуса, слабой вовлеченности казачества в земледельческие практики, сословном локализме группы и т.д. [29]. Между тем в параметрах «официального» направления казахстанской историографии вопросы статуса, роли и значения казачьего сегмента колонизации рассматриваются в локусе методологического схематизма и догматических конструкций: «...сибирское казачье войско от возникновения до упразднения было слепым орудием в руках самодержавия в осуществлении колониальной политики...», «царизм всячески укреплял его военную структуру, расширял земельные владения, награждал разными привилегиями и льготами... казаки оправдывали свое назначение активным участием в борьбе с национально-освободительным движением казахского народа на протяжении XVIII – начала XX веков» [8. С. 71].

Таким образом, говоря о принципах и подходах, сформированных в рамках «официальной» историографии аграрной колонизации, можно констатировать их ярко выраженный контекстуальный характер и тотальную зависимость от идейно-политических установлений стартового периода становления национальной государственности. В данной связи в Республике Казахстан в 1990-е – начале 2000-х гг. происходила стремительная архаизация общества, обусловленная миграционными процессами (отъездом «русских» и мощным притоком сельского населения). В этой ситуации происходило частичное снятие алар-

мистского напряжения «славянской угрозы», что не способствовало продвижению европейских культурных тенденций, напротив, пробуждало изоляционистские настроения. В результате обретение национального суверенитета не избавило казахское общество от ощущения «внутреннего колониализма», что наиболее наглядно материализовалось в сфере формирования национального исторического нарратива, в котором «дискурс угнетенного» занял доминирующие позиции [30].

Тотальное доминирование в национальной историографии Республики Казахстан «официального» курса, со свойственными ему штампами и схематизмом, вовлекло национальную историческую науку в кризисное состояние. Трактовка национальной истории исключительно как истории этнической мобилизации, преобладание в оценках прошлого теорий и практик примитивного этнизма, методологический «архаизм» в подходах к ключевым сюжетам национальной истории создавали благоприятные условия для экспансии мифологизма и зарождения традиции мифологизаторства в истории [31], крайне негативно воспринятого частью научного сообщества Республики Казахстан [32].

Также важно, что отдельными представителями казахстанской исторической науки было признано, что устранение белых пятен в истории и отказ от прежних имперских и советских идеологем сопровождаются проникновением в массовое сознание новых мифологем о золотом веке степной государственности и культуры, особом уникальном вкладе кочевников-казахов в развитие других цивилизаций евразийского мира и гармоническом характере социальных отношений у казахского населения степи до насильственного включения его в состав Российской империи [32].

Определяющим фактором, создавшим условия для формирования новых тенденций в исторической науке, стала достаточно жесткая в республике взаимосвязанность государственной политики и научно-исследовательских практик. Для представителей гуманитарного знания и власти становился очевидным и пугающим конфликт между чрезмерной актуализацией национальных интересов в общественном сознании и декларациями официальной национальной политики, в программах которой отсутствовало упоминание титульной нации и был сделан акцент на гражданственности и национальном равноправии. Более того, с 2004 г., в Казахстане стартовала государственная программа «Культурное наследие», направленная не только на развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев, но и предполагавшая создание на государственном языке полноценного фонда гуманитарного образования на базе лучших достижений мировой научной мысли, культуры и литературы, что открывало возможности активной научной коммуникации в международном масштабе. В результате произошли знаковые перемены в методологических основаниях национальной историографии, что проявилось в аккомодации в канву исследований модернизационного подхода как наиболее адекватного темпам экономического, политического и социокультурного развития Казахстана в условиях независимости.

В этот период происходят качественные изменения в образовательной политике Республики Казахстан, в основу которой были положены идеи поликультурности и интернационализации, что не могло не оказать влияния на деятельность гуманитарной интеллигенции, в частности историков, активно инкорпорируемых через международные конференции и программы академической мобильности в коммуникативное научное пространство.

Вышеназванные обстоятельства предопределили разделение единого историографического пространства и привели к появлению «умеренного» направления, в системе координат которого обозначились и новые подходы к проблемам аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.

Следует обратить внимание на то, что «умеренное» направление в казахстанской историографии формируется как реакция «на романтизм в казахстанской исторической науке и эйфоризм в восприятии исторических фактов, которые и привели к мифологизации исследований новой истории Казахстана» [33]. Необходимо учитывать, что общие принципы исследовательской парадигмы в рамках «умеренного» направления вырабатывались в параметрах «официальной» концепции и государственной политики Республики Казахстан, представляя собой компромиссный вариант оценки имперского прошлого и аграрно-колониционных мероприятий в Степном крае. Исследовательское кредо «умеренного» сегмента в историографической традиции Казахстана наиболее предметно фиксируется в работе Д.Я. Фризена. Впервые, автор предлагает своим коллегам искать позитивные и негативные последствия аграрной колонизации для коренного населения не только применительно к периоду второй половины XIX – начала XX в., но и пытаться оценить перспективные последствия аграрных преобразований с точки зрения развития производительных сил региона. Во-вторых, настаивает на необходимости отказаться от непродуктивной практики оценивания колониционных процессов в степных областях исключительно с негативных позиций, что опровергается очевидными историческими фактами: развитием в регионе агрономии, ветеринарной службы, распространением медицинских знаний в кочевой среде [34. С. 181].

Определяющим моментом становления «умеренной» траектории казахстанской историографии стало обращение к подходам и практикам «новой имперской истории», адепты которой предложили новую терминологию, в частности концепты «внутренняя колонизация» и «внутренний империализм». Одна из ключевых идей А. Эткнда о подчиненном статусе «субалтернов» империи в колонизации как акте тотального государственного доминирования и принуждения [35. С. 3], способствовала сближению историографических дискурсов России и Казахстана, в границах которых стали разрабатываться сходные сценарии переживания «травматической» ситуации.

В результате в работах историков Республики Казахстан первых полутора десятилетий XXI в. резко актуализировался интерес к имперской проблематике в связи с темой аграрной колонизации, что во многом

оказалось обеспечено аккомодацией новых методологических подходов к исследованию ключевых сюжетов истории Степного края.

В трудах исследователей данной группы можно выделить в качестве широко растиражированного и обновленного сюжет, посвященный вопросам переселенческого движения в Степной край. На новом витке историографической традиции Республики Казахстан эта, казалось бы, всесторонне освоенная тема получила новые варианты прочтения и интерпретации. Ряд авторов, избрав в качестве своеобразного исследовательского критерия характеристику роли имперских структур в колонизации, вышли на вопросы представлений власти о переселенческом движении и способах его государственно-административной регуляции, взаимоотношений коренного и миграционного сегментов в контексте социокультурной и экономической инкорпорации, взаимодействия центральных и региональных органов управления в обстоятельствах массовых переселений, особенностей формирования образа колонизованных и колонизаторов и т.д.

Интересно, что уже в начальный период институционализации «умеренного» вектора казахстанской историографии, рельефно обозначился переход исследователей от изучения событий к осмыслению состояний. Данные аспекты переселенческой проблемы оказались отражены в работах А.К. Рахимбековой и З.Т. Садвокасовой.

В частности, А.К. Рахимбековой проведено исследование трансформации социально-политического устройства и традиционной хозяйственной структуры казахского общества под влиянием имперского фактора, методов колонизации в Степном крае. Выявлена роль имперского фактора в экономической, социальной, политической и духовной жизни социума казахов, сформулирован тезис о его разложении в процессе имперской колонизации [25]. Характерно, что обращение исследователя к категориям имперской истории открыло автору новые перспективы в реконструкции коммуникаций «субалтернов» империи – русских переселенцев и кочевников-казахов в системе координат переселенческого процесса. Привлекая методологические приемы постмодернизма к исследованию взаимоотношений кочевников и земледельцев, А.К. Рахимбековой удалось позиционировать казахов-кочевников, крестьян-переселенцев и колониальную администрацию в качестве акторов множества ситуативных практик повседневной жизни, выстраивавших свои взаимоотношения друг с другом, что позволило реконструировать полифонию их взаимоотношений в новых контекстах колониального времени [36].

З.Т. Садвокасова, опираясь на широкий круг опубликованных и неопубликованных источников, обратилась к проблеме духовной экспансии империи в сфере образовательной и профессиональной полити-

ки, акцентируя внимание на имперских практиках русификации в Степном крае [37]. Автор справедливо отметила универсальность и масштабность русификаторских практик как важного элемента имперской национальной политики, принципы которой распространялись не только на восточные, но и западные окраины [38], что являлось составляющим элементом обеспечения безопасности и стабильности империи. В сложившихся обстоятельствах, отмечает З.Т. Садвокасова, активизация переселенческого движения, в котором преобладало русское крестьянство, предоставляло дополнительные права имперской власти к проведению политики русификации, распространяемой не только на казахов, но и других представителей иноэтничных групп [38. С. 91].

Тенденции к переформатированию и модернизации историографической традиции аграрной колонизации Степного края в Республике Казахстан наиболее предметно запечатлены в диссертационных работах и научных публикациях последнего десятилетия, что во многом объясняется отказом от исключительно негативной оценки процесса включения степных территорий в российское имперское поле, культивирования в национальных исследовательских проектах этнизации, а также частичным восстановлением коммуникативного научного пространства Казахстана и России.

Таким образом, утверждение имперской парадигмы в исследовательских практиках казахстанских историков сыграло позитивную роль в эволюции национальной историографии. По справедливому замечанию С.И. Ковальской, необходимо помнить, что национальная история всегда этноцентрична, что выражается в первую очередь в сочувственной фиксации своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания, а среди функций национальной истории основными являются легитимация власти, обоснование права на территорию, мобилизация членов нации на решение насущных проблем [39]. В этой связи принципы имперского подхода предоставляют благоприятную возможность поддержания национальной идентичности, а возвращение к модернизированной концепции «наименьшего зла», допускающей фиксацию позитивных последствий аграрной колонизации, увеличивают продуктивность и репрезентативность выводов, касающихся знаковых сюжетов взаимодействия казахского и русского народа в колониальном процессе.

Вместе с тем в современной историографии аграрной колонизации Республики Казахстан отчетливо проявляются признаки серьезного кризиса и стагнации, что обусловлено локализацией исследований в рамках колониального дискурса с характерной для него актуализацией травматических переживаний колониального прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Bhavna D. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. N.Y., 2007.
3. Ремнёв А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.

4. Масанов Н. Мы – маргиналы. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1092948900> (дата обращения: 18.08.2018).
5. Назарбаев Н.А. Нравственный и политический выбор интеллигенции // Казахстанская правда. 18.03.1998.
6. Грозин А.В. Мифологизаторство в современной истории Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. Шолохова. История и политология. 2010. № 2. С.106–120.
7. Кузембайұлы А., Абыль Е. История Казахстана : учеб. для вузов. 8-е изд. перераб. и доп. Костанай : Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. 350 с.
8. Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005. 120 с.
9. Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области) : дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с.
10. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 168 с.
11. Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З. История Казахстана. Учебная программа для гуманитарных и естественно-научных специальностей высшего образования. Астана : Алтын китап, 2005. 44 с.
12. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 кн. Алматы : Галым, 2000. Кн. 1. 248 с.
13. Сеитов Э.Г. Букейханов А.Н. как историк и общественно-политический деятель : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 28 с.
14. Канафин К.К. Раимжан Марсеков. Формирование мировоззрения. Общественно-политическая деятельность (1879–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 28 с.
15. Тернова И.К., Исетов Р.К. Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай : Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
16. Смагулова С.О. Национальная интеллигенция и аграрный вопрос в Казахстане в конце XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 25 с.
17. Ешмуратов А.К. История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 30 с.
18. Кузембайұлы А. История дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Рауан, 1992. 192 с.
19. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы : РИК, 1994. 235 с.
20. Валиханов Э.Ж. Колониализм и земельный вопрос // Заря. 1993. № 4. С. 10–11.
21. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана : Ел-орда, 1998. 137 с.
22. Жиренчин К.А. Политическое развитие в Казахстане в XIX – начале XX вв. Алма-Ата : Жеті жарғы, 1996. 352 с.
23. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1994. 29 с.
24. Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 166 с.
25. Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 168 с.
26. Абдилов М. История казачества Казахстана. Алматы : Казахстан, 1994. 160 с.
27. Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане Алматы : Казахстан, 1993. 73 с.
28. Мусырманова А.Ш. Сибирское казачество на рубеже XIX–XX вв.: основные проблемы социально-экономического развития : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Аты, 1995. 23 с.
29. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 47–74.
30. Алексеенко А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана в конце XX – начале XXI в. // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 144–168.
31. Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы : Жибек жолы, 1998. 208 с.
32. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 296 с.
33. Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана : сб. науч. ст. Алматы, 2007. С. 14–22.
34. Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Тамбов, 2012. № 9 (23) : в 2 ч. Ч. I. С. 160–183.
35. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
36. Рахимбекова А.К. Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротт. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С. 132–149.
37. Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы : Казак университети, 2005. 339 с.
38. Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. № 1. С. 86–92.
39. Ковальская С.И. Как изучают Россию в Казахстане. URL: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazahstana-enu-gumileva-astana-kazahstan-skovalsk-ma.php> (дата обращения: 20.08.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июля 2019 г.

The Historiography of the “National Trauma”: The Agricultural Colonization of the Steppe Region in the Modern Studies of the Republic of Kazakhstan

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 173–181.

DOI: 10.17223/15617793/454/20

Mikhail K. Churkin, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation), Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Serikhan A. Abselemov, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: abselemovserikhan@yandex.ru

Keywords: historiography; discourse; “national trauma”; agrarian colonization; steppe region.

Based on the materials of the modern research tradition of the Republic of Kazakhstan, the authors of the article identify and justify the key approaches of national historians to assessing the causes and results of the agricultural colonization of the steppe region

in the second half of the 19th to the early 20th centuries. The authors aim to restore the historical and contextual conditions of the formation of the modern Kazakhstan historiographic tradition, which influenced the formation of researchers' ideas about the process of colonization as imperial domination and compulsion towards the indigenous peoples of Central Asia. To reach the aim, the authors used the provisions and principles of the new cultural and intellectual history, the contextual approach in particular. This approach views the historiographic tradition as a form of social activity and part of a developed culture in connection with current social and political events and ideological conditions. The authors identify the main stages of the formation of modern historiography of the agricultural colonization of the steppe region in Kazakhstan. The starting point of the institutionalization of the modernized historiographic tradition in this matter was the collapse of the Soviet Union, the growth of ethnic identity, and the actualization of the traumatic experience of the Kazakh people, which was most pronounced in the materials of the national intelligentsia. Thus, the understanding of the historical experience of colonization in the Republic of Kazakhstan at the turn of the 21st century occurred in the projection of the colonial discourse with its inherent anxious mood. Post-Soviet researchers cover a wide range of issues related to the traumatic outcome of the colonial empire: the organization of administrative management, the relations of the indigenous population with the immigrants. In the national historiographic tradition of studying the agricultural colonization of the steppe region in the 1990s, the anti-colonial rhetoric of the late 19th to early 20th centuries was resumed, returning to the concept of colonization as an "absolute evil", which became the main argument of supporters of the "official" direction. Representatives of the "liberal" trend in the historiography of the Republic of Kazakhstan, accepting the theory of "relative" evil, only softened the unequivocally negative assessment of the practices of imperial colonization.

REFERENCES

1. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Bhavna, D. (2007) *Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power*. London; N.Y.: Routledge.
3. Remnev, A.V. (2011) Kolonial'nost', postkolonial'nost' i "istoricheskaya politika" v sovremennom Kazakhstane [Colonialism, Postcolonialism and "Historical Policy" in Modern Kazakhstan]. *Ab imperio*. 1. pp. 169–205. DOI: 10.1353/imp.2011.0070
4. Masanov, N. (2004) My – marginaly [We Are Marginals]. [Online] Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1092948900>. (Accessed: 18.08.2018).
5. Nazarbaev, N.A. (1998) Nravstvennyy i politicheskiy vybor intelligentsii [The Moral and Political Choice of the Intelligentsia]. *Kazakhstanskaya pravda*. 18 March.
6. Grozin, A.V. (2010) Mythologizing in Contemporary Historiography of Kazakhstan: Politological Aspect of a Problem. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2. pp.106–120.
7. Kuzembayuly, A. & Abil', E. (2006) *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. 8th ed. Kostanay: Kostanayskiy regional'nyy institut istoricheskikh issledovaniy.
8. Borsukbaeva, A.M. (2005) *Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh v XIX – nachale XX vekov (na materialakh severo-vostochnogo Kazakhstana)* [The Colonialist Policy of Tsarism in the Kazakh Lands in the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials From North-Eastern Kazakhstan)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
9. Aytmagambetov, D.R. (2010) *Vzaimootnosheniya kazakhskogo aula i pereselencheskoy derevni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoy oblasti)* [The Relationship of the Kazakh Village and the Resettlement Village in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. (On the Example of the Akmola Region)]. History Cand. Diss. Astana.
10. Myrzakmetova, A.Zh. (2007) *Istoriya obrazovaniya i deyatel'nosti organov Pereselencheskogo upravleniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv.* [The History of the Formation and Activities of the Resettlement Authorities in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. History Cand. Diss. Karaganda.
11. Artykbaev, Zh.O. & Razdykov, S.Z. (2005) *Istoriya Kazakhstana. Uchebnaya programma dlya gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh spetsial'nostey vysshhego obrazovaniya* [History of Kazakhstan. The Curriculum for the Humanities and Natural Sciences in Higher Education]. Astana: Altyn kitap.
12. Kozybaev, M.K. (2000) *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski: v 2 kn.* [Kazakhstan at the Turn of the Century: Reflections and Searches: In 2 Books]. Book 1. Almaty: Galym.
13. Seitov, E.G. (1996) *Bukeykhanov A.N. kak istorik i obshchestvenno-politicheskiy deyatel'* [Bukeykhanov A.N. as a Historian and Public Figure]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
14. Kanafin, K.K. (1999) *Raimzhan Marsekov. Formirovanie mirovozzreniya. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1879–1922 gg.)* [Raimzhan Marsekov. The Formation of Worldview. Social and Political Activities (1879–1922)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
15. Ternova, I.K. & Isetov, R.K. (1998) *Zhizn', ozarennaya bor'boi. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Akhmeta Baytursynova* [Life Lighted by the Struggle. Dedicated to the 125th Birthday of Akhmet Baytursynov]. Kostanay: Kostanayskiy pechatnyy dvor.
16. Smagulova, S.O. (1999) *Natsional'naya intelligentsiya i agrarnyy vopros v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX veka* [National Intelligentsia and the Agrarian Question in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
17. Eshmuratov, A.K. (2002) *Istoriya izucheniya instituta sobstvennosti v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The History of the Study of the Institution of Property in Kazakhstan (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
18. Kuzembayuly, A. (1992) *Istoriya dorevolyutsionnogo Kazakhstana* [History of Pre-Revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata: Rauan.
19. Abdakimov, A. (1994) *Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney)* [History of Kazakhstan (From Ancient Times to the Present Day)]. 4th ed. Almaty: RIK.
20. Valikhanov, E.Zh. (1993) Kolonializm i zemel'nyy vopros [Colonialism and the Land Issue]. *Zarya*. 4. pp. 10–11.
21. Abdrakhmanova, B.M. (1998) *Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: Power, Management System, Territorial Structure in the 19th Century]. Astana: El-orda.
22. Zhirenchin, K.A. (1996) *Politicheskoe razvitiye v Kazakhstane v XIX – nachale XX vv.* [Political Development in Kazakhstan in the 19th – Early 20th Centuries]. Alma-Ata: Zheti zhaggy.
23. Tashtemkhanova, R.M. (1994) *Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoy oblasti)* [The Resettlement Village and Its Relationship With the Kazakh Aul in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials From the Semirechensk Region)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
24. Ibraev, S.I. (1995) *Pereselencheskaya politika tsarizma i izmenenie demograficheskoy situatsii v Severnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The Resettlement Policy of Tsarism and the Changing Demographic Situation in Northern Kazakhstan (Late 19th – Early 20th Centuries)]. History Cand. Diss. Almaty.
25. Rakhimbekova, A.K. (2004) *Rol' imperskogo faktora v transformatsii kazakhskogo obshchestva* [The Role of the Imperial Factor in the Transformation of Kazakh Society]. History Cand. Diss. Almaty.
26. Abdirov, M. (1994) *Istoriya kazachestva Kazakhstana* [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan.
27. Elagin, A.S. (1993) *Kazachestvo i kazach'i voyska v Kazakhstane* [Cossacks and Cossack Troops in Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan.

28. Musyrmanova, A.Sh. (1995) *Sibirskoe kazachestvo na rubezhe XIX–XX vv: osnovnye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Siberian Cossacks at the Turn of the 20th Century: The Main Problems of Socioeconomic Development]. Abstract of History Cand. Diss. Alma-Aty.
29. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2010) Stepnaya kolonizatsiya v proektakh zapadnosibirskoy administratsii 1870-kh gg. [Steppe Colonization in the Projects of the West Siberian Administration of the 1870s]. In: *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Relations of the Countries of the Commonwealth (History and Modernity)]. Is. 4. Omsk: Omsk State University. pp. 47–74.
30. Alekseenko, A.N. (2010) Etnodemograficheskiy aspekt regional'nogo razvitiya Vostochnogo Kazakhstana v kontse XX – nachale XXI v. [Ethno-Demographic Aspect of the Regional Development of East Kazakhstan at the End of the 20th – Beginning of the 21st Centuries]. In: Bazarov, B.V. (ed.) *Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoy dinamike* [Asian Russia: Migration, Regions and Regionalism in Historical Dynamics]. Irkutsk: Ottisk. pp. 144–168.
31. Daniyarov, K. (1998) *Al'ternativnaya istoriya Kazakhstana* [An Alternative History of Kazakhstan]. Almaty: Zhibek zholy.
32. Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B. & Erofeeva, I.V. (2007) *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-press.
33. Erofeeva, I.V. (2007) Sobytiya i lyudi Kazakhskikh stepey (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob'ekt istoricheskoy remistifikatsii [Events and People of the Kazakh Steppes (The Era of the Late Middle Ages and the New Age) as an Object of History Remystification]. In: Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B. & Erofeeva, I.V. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific Knowledge and Myth-Making in Modern Historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-press. pp. 14–22.
34. Frizen, D.Ya. (2012) Actual Problems in Research of Agrarian Relations in Western Kazakhstan of the 19th – the Beginning of the 20th Century in Historiography of the Republic of Kazakhstan. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (23):1. pp. 160–183. (In Russian).
35. Etkind, A. (2013) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Rakhimbekova, A.K. (2015) Metodologicheskie podkhody postmodernizma v issledovanii vzaimootnosheniy kazakhov-kochevnikov i krest'yan-pereeselentsev v povsednevnoy zhizni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Methodological Approaches of Postmodernism in the Study of the Relationship of Kazakh Nomads and Peasant Immigrants in Everyday Life in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Churkin, M.K., Saburova, T.A. & Krott, I.I. (eds) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the History of Siberia]. Is. 12. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 132–149.
37. Sadvokasova, Z.T. (2005) *Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [The Spiritual Expansion of Tsarism in Kazakhstan in the Field of Education and Religion (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Almaty: Qazaq universiteti.
38. Sadvokasova, Z.T. (2008) Rusifikatorskaya politika tsarizma v oblasti obrazovaniya nerusskikh narodov [Russification Policy of Tsarism in the Field of Education of Non-Russian Peoples]. *Otechestvennaya istoriya (Otan tarikhy)*. 1. pp. 86–92.
39. Koval'skaya, S.I. (n.d.) *How Russia Is Studied in Its Neighbors? –Heilongjiang, Kazakhstan, Mongolia, and Taiwan*. [Online] Available from: <http://net.knigi-x.ru/24istoriya/140958-1-kovalskaya-din-professor-kafedri-istorii-kazakhstan-enu-gumileva-astana-kazakhstan-skovalsk-ma.php>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).

Received: 07 July 2019